

Революция 1917 г. в провинции как культурный конфликт

А. В. Бушмаков

кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь.
E-mail: bushmakov@yanex.ru

Аннотация. Статья посвящена восприятию и интерпретациям разворачивающихся в провинции с марта 1917 г. событий второй русской революции. Опираясь на документы из архивных фондов учреждений Временного правительства, действовавших на территории Пермской губернии, газетные тексты и источники личного происхождения, автор демонстрирует конфликты смыслообразующих интерпретаций образованных людей, интеллигенции и народных масс, показывая, что провал попытки создать новое демократическое общество и государство обусловлен разницей в их культурах. Рассогласованность опривыченных моделей поведения (друг с другом и с объективной реальностью) превращала революционный процесс в перманентный культурный шок для большинства современников и провоцировала ситуацию аномии. В статье показывается абсурдность происшедшего как неотъемлемый элемент революции. Акцентируется внимание на иррациональных мотивах поведения современников, которые были обусловлены ранее установками и моделями культуры, уже совершенно не отвечающими новой политической и социальной ситуации.

Ключевые слова: революция 1917 г., Пермская губерния, интеллигенция, Временное правительство, социокультурный конфликт, жизненный мир.

В современной исторической науке сохраняется закрепившийся еще в XIX в. принцип, требующий от ученого рационально объяснить происшедшее – выявить причинно-следственные связи между историческими событиями, показать рационального типа логику в поступках людей и социальных групп, которые действуют исходя из своих осознанных политических и экономических интересов. У историков до сих пор принято рационально обосновывать социальное поведение даже тех людей, которых образованные современники не стеснялись обозначать как «темные массы».

Слабость такого традиционного подхода заключается в искусственной рационализации мотивов, которыми руководствовались индивиды, в игнорировании роли культуры (менталитет и ценности, а также определяемые ими культурные нормы и модели поведения), которая в России начала XX в. была в значительной степени иррациональной, основанной на религии и на предшествующей традиции, зачастую очень архаичной. В результате у историка нередко получается логичная и понятная современному человеку реконструкция событий, которая, однако, совсем не обязательно имела место быть в реальности.

В отечественной историографии второй русской революции последних десятилетий наметился поворот к изучению культурного аспекта исторических событий. Все большим числом российских ученых принимается характерная для западноевропейской исторической антропологии и истории повседневности конца XX в. установка на необходимость реконструкции смыслового контекста, который был характерен для современников и участников исторического процесса. У российских историков утвердилось осознание важности менталитета, ценностных установок и культурных норм, характерных для различных социальных групп в Российской империи начала XX в. Появились и первые успешные значительные работы в данном направлении. Так, важность политической культуры как системы ритуалов и символов, существовавших в рамках определенной традиции и во многом определявших политическое поведение людей, в частности в период революции, убедительно показана в работах Б. И. Колоницкого [2].

В то же время большая часть авторов, изучающих вторую русскую революцию, по-прежнему рассматривают события почти исключительно как борьбу партий, действия или бездействие органов власти, общественных организаций, столкновения партийных позиций, идеологическую борьбу. Важность культуры, роль традиций, менталитета и связанных с ними ценностных установок, символов и моделей поведения декларируется, но они не изучаются

сколько-нибудь систематично и основательно. Историк, формально обозначив необходимость изучения культуры людей прошлого для понимания происходивших в их мире событий, в реальности по-прежнему продолжает ее игнорировать, интерпретируя происходившее сто лет назад в рамках современной ему собственной логики. Цель настоящей статьи – на примере событий 1917 г. в уральской провинции показать необходимость реконструкции особенностей культуры представителей разных социокультурных групп для адекватного понимания мотивов их поведения и интерпретации политической и социальной истории.

События, разворачивавшиеся в России с февраля–марта 1917 г., почти сразу были осмыслены и отражены в печати – как долгожданная революция, освободившая население империи от тиранической власти. Новые смыслы были закреплены новыми словами, символами и ритуалами, ранее присутствовавшими в жизни демократической и революционной интеллигенции. Весной 1917 г. складываются новые модели и ритуалы публичного поведения членов провинциального общества. В начале каждого большого собрания теперь полагалось поминать героев, павших в борьбе с царизмом, и приветствовать вождей революции. Новые модели культуры, ритуалы и символы предполагались порожденными февральским переворотом новыми демократическими институтами, когда бывшие подданные российского императора превратились в свободных граждан, губернаторы и исправники были заменены на комиссаров, полиция была распущена и вместо нее возникла милиция и т. д.

Различные социокультурные группы в городе и селе с разной скоростью и успешностью осваивали новый революционный дискурс. Этому способствовала активная политическая пропаганда, общая высокая политизированность российского общества весны–лета 1917 г. Новые практики – политическая агитация, активное и пассивное участие в разного рода собраниях, митингах и т. д. способствовали тому, чтобы социально и экономически активная часть населения, прежде всего горожане, освоили новые революционные смыслы и сделали их частью своего жизненного мира. Значительная часть так называемого «образованного общества», в первую очередь ставившая целью освобождение народа от гнета самодержавия интеллигенция, уже давно использовала (полуподпольно, неофициально) слова и символы, ставшие с весны 1917 г. идеологически правильной основой публичного дискурса. Февральский переворот привел к тому, что этот неофициальный пласт интеллигентской культуры стал культурой публичной.

В то же время ситуация 1917 г. – это очевидный разрыв повседневности, когда система смыслов, связанная с прежним укладом жизни, существованием в социальной реальности старого режима, оказалась серьезно нарушена и стала быстро заполняться новыми смыслами. Важно отметить, что принятие и освоение этих новых смыслов происходило далеко не сразу, и для разных групп населения протекало с разной скоростью и успехом.

В России второго десятилетия XX в. мы можем говорить о достаточно высокой степени модернизированности культуры значительной части горожан, приводящей к тому, что их здравый смысл и представления о мире предполагали достаточно автономную от власти и печатного дискурса позицию и точку зрения на события. Естественная установка обывателя, интеллигента, рабочего, солдата в условиях, когда привычные смыслы оказались неадекватны новым реалиям, очевидно, могла претерпевать самые причудливые изменения. В то же время часть общества, в силу разных обстоятельств, продолжала существовать в рамках освоенного жизненного мира, осмысливая происходящее и действуя в соответствии с его категориями. Можно предположить, что революция привела к еще большей неоднородности вариаций смыслов и представлений у разных социальных групп и группочек населения страны, существовавших в рамках одного хронотопа и обреченных в силу этого на взаимодействия с носителями другого наличного знания, эталонных образцов и систем релевантностей, то, что в рамках феноменологической социологии А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана называется «межсубъектным жизненным миром».

Рациональное понимание революции, события которой интерпретируются с определенных идеологических позиций у образованных современников, уже весной 1917 г. начинает совмещаться с рефлексиями на тему нелепости и даже абсурдности происходящего. В дневнике москвича Н. П. Окунева, придерживавшегося умеренно-либеральных взглядов, первые подобные рефлексии появляются уже в марте. По поводу опубликованной 23 марта беседы П. Н. Милюкова с журналистами он замечает, что территориальные и другие претензии нового министра иностранных дел выглядят абсурдно на фоне известий о поражении на фронте и явной слабости правительства, по сравнению с Советами депутатов: «...даже не по-

стеснялся брякнуть и о русских правах на Царьград. <...> Сами устраняют себя от власти и дождутся, что Совет рабочих арестует и таких министров-лихачей. И эта нелепая беседа печатается рядом с известиями о нашем поражении на западном фронте...» [3, с. 27]

С весны 1917 г. регулярно возникают ситуации, когда события, практики и институты, имеющие для одних «свободных граждан» высокий или важный смысл, другими воспринимаются как игра, нелепица или издевательство. В документах и мемуарах, освещающих события 1917 г., современники почти не используют слово «абсурд». Участники событий нередко оперируют словами «хаос», «беспорядок», «нелепость» или другими подобными, на наш взгляд, вполне близкими по значению к понятию «абсурда» – бессмыслица, отсутствие нормального понятного порядка, используемые с выраженной негативной коннотацией.

Поскольку рефлексия современников по поводу абсурдности происходящего обычно не приводится в источнике в явном виде, исследователю приходится брать на себя смелость самостоятельно определять ситуацию как абсурдную. Приведем несколько документов с примерами подобных абсурдных ситуаций лета–осени 1917 г. на материале Пермской губернии.

Многочисленные примеры событий, которые не укладываются в привычную логику оказавшихся у власти образованных людей, можно обнаружить в архивном фонде губернского комиссара Временного правительства. Обозначив их словом «беспорядки», власти зачастую испытывали явные затруднения, связанные не столько с принятием административных решений, сколько вообще с пониманием ситуации – об этом свидетельствуют резолюции на документах.

Примером может служить рапорт почтового чиновника 6-го разряда Лебедевой начальнику Пермского почтово-телеграфного отделения от 20 июня 1917 г. о происшедшем с ее мужем и начальником почтового отделения в селе Путино 19 июня инциденте:

«В 3 дня к почтовому отделению подошло несколько солдат (был базарный день), один из них сбил вывеску: “Государственная сберегательная касса” и закричал: “Что за государственная? Разве у нас государь?” Начальник отделения Лебедев, находившийся в то время на территории дома, пытался объяснить ему, что мы изгнали государя, но государство осталось, т. к. государство это – весь народ, а государственная касса – народная касса. На эти слова Лебедева солдат закричал: “А ты за старое стоишь?! Это не государственная касса, а наша, мы хозяйева!”» [5].

Убедившись в невозможности воздействовать на солдат разумными доводами, Лебедев вооружился револьвером и попытался обратиться за помощью в волостное правление. Однако милиции нигде не оказалось – и оставшийся один на один с пьяными солдатами начальник почтового отделения был вынужден отдать им револьвер, после чего был избит, причем его повалили и били ногами. Солдаты не испугались и появившегося наконец милиционера, пытавшегося составить протокол и задержать их. Прогнав его с угрозами физической расправы, они продолжили гулянье с гармошкой и песнями [5].

Показательно здесь не только то, как «свободные граждане» новой демократической России по-разному понимают свою свободу, но и какие разные смыслы вкладываются в одни и те же слова. Абсурдна с точки зрения привычного жизненного мира образованного человека ситуация, когда вмешательство милиционера не только не восстанавливает порядок, но и приводит к новому витку беспорядков. В ноябре 1917 г. в ходе пьяных погромов в Перми подобная абсурдная ситуация будет еще очевиднее – там сами милиционеры будут напиваться и участвовать в разграблении магазинов, а потом, проводя расследование погрома, арестовывать невиновных и избивать их (сами будучи пьяные), требуя признаться в участии в пьяном погроме [4].

Вошедшая во власть интеллигенция летом 1917 г. пыталась осуществить так долго обсуждавшийся проект реформирования народной жизни на началах свободы, демократии и рациональной организации экономической жизни. Растущее сопротивление и непонимание со стороны «народа» – т. е. крестьянских масс – вызывало удивление и шок у образованных людей, считавших, что они делают все возможное для «народного блага».

Показательна телефонограмма начальника Рождественской милиции 1-го участка Потапова Пермскому губернскому комиссару Временного правительства об антиправительственном выступлении крестьян села Кочебахтинского от 15 августа 1917 г.:

«Прибыв 15 сего августа с 4-мя солдатами и милиционерами и начальником 2 уч[астка] в с. Кочебахтинском, где гражданка Татьяна Васильевна Коковина по вызову явиться в пожарный сарай отказались, в дом вооруженных солдат не впускает, запершись кругом, муж же ее, Егор Еремеевич Коковин, также не впускает в дом и кричит, что долой правительство, оно только распускает воров. Приведенная и арестованная Мартемьяна Васильевна Ревхдина за-

явила, что новое правительство не нужно, а нужно нам царя, т. к. при царе были порядки и не было воров. Положение наше критическое. Что прикажете делать? Мужики Коковину не выдают. Прошу Вас выехать или дать распоряжение, как поступить с Коковиной. Применить оружие в деле нет возможности без Вашего разрешения» [9].

Речь в телеграмме об открытом сопротивлении сельскохозяйственной переписи, проводимой по инициативе Временного правительства. Ситуация с точки зрения интеллигента довольно дикая: народ бунтует против своего революционного правительства, состоящего уже к этому времени из социалистов, защищающих народные интересы, и требует вернуть царя, старый порядок – вернуть времена народного горя и несвободы.

Ценность свободы, которая считалась главным достижением революции, оказалась почти сразу поставленной под сомнение в ситуациях, подобной той, что описана ниже. В рапорте Чердынского уездного комиссара Временного правительства Пермскому губернскому комиссару от 11 июня 1917 г. описывается запутанная история с арестом и освобождением священника с. Гайны Ипполита Фофанова:

«Вследствие предложения от 30 мая минувшего года за № 6231 доношу, что в с. Гайны был подвергнут домашнему аресту священник Ипполит Фофанов (а не Русланов), причем из собранных мною лично на месте сведений, а также и из протокола бывшего старшего милиционера Алина усматривается, что означенный арест был применен исключительно с целью охраны Фофанова от населения, крайне возбужденного выступлениями названного священника, человека в высшей степени нервного, распространявшего явно необоснованные сведения о взятии Риги, Петрограда, о восстановлении старого правительства и т. д. Тем не менее, получив от милиционера Алина сообщение об аресте священника Фофанова, я распорядился о немедленном его освобождении и, пользуясь присутствием в Чердыни Соликамского Преосвященного, испроптал ему, Фофанову, отпуск для поездки в Пермь по личным делам. В настоящее время о[тец] Фофанов выехал из Гайн вместе с семейством и имуществом.

Все действия старшего милиционера Алина, как по этому делу, так и по иным в волости, были направлены исключительно к поддержанию порядка и спокойствия среди населения. К сожалению, г. Алин в настоящее время от должности старшего милиционера отказался» [6].

Арест с целью обеспечения безопасности арестовываемого не был большой редкостью в первые месяцы революции, например в Перми в начале мая в тюрьме оказался один из членов правления потребительского общества железнодорожных служащих, которого обвиняли в порче партии мяса, находившегося на складах общества. Члены правления обратились к губернскому комиссару с просьбой посадить его в тюрьму, хотя обстоятельства дела не были ясны и вина не установлена, потому что опасались расправы со стороны оставшихся без мяса железнодорожников. Тюрьма для некоторых граждан весной–летом 1917 г. неожиданно оказалась самым безопасным местом.

В истории со священником Фофановым характерен также отказ должностного лица выполнять свои обязанности. Новой власти в провинции оказалось непросто находить кандидатов на ответственные должности – серьезные и авторитетные люди в 1917 г. нередко избегали участия во властных институтах, отказываясь возглавить или принять участие в той созидательной работе, о которой они так долго до того читали и рассуждали.

Не менее странно, чем народные массы и интеллигенция, с точки зрения привычной логики ученых-обществоведов, вела себя в условиях разворачивающейся «буржуазно-демократической» революции и провинциальная буржуазия. Характерный пример вполне абсурдной ситуации содержит рапорт Шадринского уездного комиссара Временного правительства Пермскому губернскому комиссару от 9 июня 1917 г. по делу о реквизиции товара у торговца мануфактурой И. В. Смирнова:

«Из представленного на рассмотрение комиссариата Шадринской уездной продовольственной управы дела видно, что 27 апреля с.г. служащими фирмы Ивана Васильевича Смирнова было подано заявление в Шадринское общество взаимопомощи приказчиков с указанием на их тяжелое материальное положение и с просьбой помочь им. В заявлении указывалось, что они получали нищенское жалованье от 55 до 10 рублей, что просьбу о прибавке жалованья хозяин полностью не удовлетворил, а согласился лишь до 5 рублей в месяц и выдал наградные от 10 до 30 рублей. Вследствие этого все служащие попросили расчет. 28 апреля служащие обратились к Смирнову с письмом, в котором предлагали уладить конфликт мирно, соглашаясь возобновить службу в случае, если им будет дано жалование в размере от 20 руб. до 80 руб. Требование это, безусловно, скромное: на 9 человек служащих приходилось в месяц 435 рублей.

В заявлении от 27 апреля служащие Смирнова указали, что за время пребывания его на военной службе они выручили 21 8000 рублей, продав товару, по их подсчету, на 50 000 руб., т. е. доставили хозяину прибыли 168 000 рублей. В письме же от 28 апреля служащие угрожали Смирнову, в случае отказа дать им жалование в размере от 20 руб. до 80 руб., передать дело окончательно О[бществу] Приказчиков «с указанием суммы, вырученной без Вас и определения правильной прибыли», вследствие чего «Вы должны уплатить казне с рубля прибыли 50%, что составит кругленькую сумму 20 000 рублей» [7, л. 32–33].

Поведение Смирнова представляется совершенно нерациональным и абсурдным – наживая тысячи, в погоне за сверхприбылями он отказался повысить жалование своим служащим хотя бы до минимально приемлемого уровня. Жалование 20 рублей в месяц было мало даже в 1914 г. Для 1917 г. это очень мало, учитывая, что к лету почти все работающие по найму, включая дворников и официантов, начали активно бороться за свои права, добиваясь (и вполне успешно) повышения заработной платы. Таким образом, сэкономив несколько сотен рублей, Смирнов в итоге потерял весь свой сверхприбыльный бизнес. По постановлению Пермской губернской продовольственной управы от 17 июня 1917 г. весь мануфактурный товар Смирнова был реквизирован и передан для распределения уездной продовольственной управе. Сам И. М. Смирнов был привлечен к уголовной ответственности. За реквизированный у него товар было решено рассчитаться по твердым, установленным уездной продовольственной управой, ценам.

Пассивность провинциальных городских обывателей на фоне драматичности разворачивающихся событий кажется странной многим рефлексирующим наблюдателям из числа образованных современников. В газете пермских кадетов «Народная свобода» от 6 августа 1917 г. была опубликована статья П. С. Когана «Мысли о провинции», в которой он рефлексирует на эту тему, описывая собрание большевиков в Самаре, которое ему недавно довелось посетить:

«Ораторы и публика разошлись поздно, вполне довольные собою, совершенно не думая о том, чтобы принять какие-нибудь меры к проведению в жизнь своих лозунгов. За стенами темных домов мирно спали их владельцы, и сон их по-видимому не был смущен тем обстоятельством, что сотни озлобленных людей только что постановили отнять у них эти дома. За освещенными окнами ресторанов сидели сытые люди, мало озабоченные тем, что только что решено было эти “притоны буржуев” превратить в дешевые столовые» [1, с. 2].

Автор статьи не знает, чему ему больше удивляться – радикальности требований и предложений «местных Мирабо» или спокойствию, с которым реагируют на них провинциальные буржуа, живущие так, как будто революция – не их дело, она их не касается.

Не менее показательным поведением провинциальных буржуа по отношению к широко и успешно продвигавшемуся Временным правительством «Займу Свободы». Именно на буржуа, наряду с зажиточной частью крестьянства, рассчитывали инициаторы займа, весьма успешно осуществившие его рекламную кампанию. Действительно «Заем Свободы» стал самым массовым российским займом, осуществлявшимся на добровольной основе, он эффективно продвигался в провинции при активном участии большинства общественных организаций. Заем был адресован сознательным гражданам, которые получили возможность помочь родине и революции, одновременно инвестируя свои не особо ценные в условиях войны рубли в гарантированные государством облигации на весьма выгодных условиях. С сугубо рациональной точки зрения для буржуа заем был очень выгодной экономической и политической инвестицией – поддержать новое буржуазно-демократическое государство и одновременно вложить деньги на более выгодных, чем предлагали предыдущие займы, условиях.

Тем не менее буржуазия отказалась принять участие в столь выгодной операции. «...что “Заем Свободы” не сумеет оправдать изначально возлагавшихся на него надежд, Временное правительство ощутило уже в конце апреля, когда вместо ожидавшихся миллиардов народных денег оно получило подписку лишь в 725 миллионов рублей» [8, с. 87.]

В марте–апреле 1917 г. положение Временного правительства было достаточно устойчивым, политическая ситуация еще внушала оптимизм большинству образованных современников. Поэтому недоверчивое отношение российских буржуа к займу было в значительной степени иррациональным, они просто боялись вложить в него свои, в том числе нажитые на спекуляциях военного времени, деньги, потому что привыкли проявлять осторожность.

Конечно, пассивность и аполитичность буржуазии летом 1917 г. можно объяснить ее боязнью конфликтовать со все более радикально настроенными массами или отсутствием сильных организованных буржуазно-демократических партий. Однако, на наш взгляд, харак-

терная для большинства ученых-историков вплоть до настоящего времени установка на поиск только идеологически, политически и экономически обоснованных мотивов деятельности (или бездеятельности) в 1917 г. представителей разных социальных групп приводит к некорректной интерпретации поведения их представителей как полностью рационального, осознанно и последовательно преследующего определенные политические и экономические цели, которые они предполагали достичь в ближайшем будущем.

На наш взгляд, значительную роль в революции 1917 г. играл фактор культурной инерции, когда рациональное, преследующее осознанные конкретные цели социальное действие было менее характерно даже для образованных слоев российского общества, особенно в провинции, чем действия, обусловленные предшествующей культурной традицией. Привыкшая спасать «темный народ» интеллигенция продолжала заниматься этим, несмотря на то что «народ» все более и более проявлял себя и действовал как эгоистично настроенные, сконцентрированные на собственных узких интересах группы, лишенные представлений об общем благе и солидарности, объединяющих хотя бы людей физического труда. Привыкшая быть в тени дворянско-чиновничьего правящего класса буржуазия, как и раньше, пыталась использовать новый революционный кризис для своих маленьких и больших гешефтов, наживать прибыли, пока это возможно, и не думать о том, к чему приведут события той самой буржуазно-демократической революции, которую она в теории должна была бы возглавить.

На наш взгляд, исследователь должен допускать и другой вариант, учитывать, что происходившие события могли быть абсурдны, а мотивы поведения их участников – иррациональны, т. е. обусловлены теми освоенными ранее установками и моделями культуры, которые уже совершенно не отвечали новой политической и социальной ситуации.

Список литературы

1. Коган П. С. Мысли о провинции // Народная свобода. 1917. № 20. С. 2.
2. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьбы за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб. : Лики России, 2012. 320 с.
3. Окунев Н. П. Дневник москвича, 1917–1924: в 2 т. Т. 1. М. : Воениздат, 1997. 320 с.
4. Прощение Д. Е. Гудошикова в комитет лафетного цеха Мотовилихинского пушечного завода о его несправедливом аресте как участника ноябрьского погрома в Перми от 4 декабря 1917 г. // ГАПК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 895. Л. 276–277.
5. Рапорт временно исполняющей обязанности начальника Путинского почтово-телеграфного отделения Лебедевой начальнику Пермского почтово-телеграфного отделения от 20 июня 1917 г. // ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 12. Л. 158–159.
6. Рапорт Чердынского уездного комиссара Временного правительства Пермскому губернскому комиссару Временного правительства об аресте и освобождении священника с. Гайны Ипполита Фофанова от 11 июня 1917 года // ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 16. Л. 83–83 об.
7. Рапорт Шадринского уездного комиссара Временного правительства Пермскому губернскому комиссару по делу о реквизиции товара И. В. Смирнова от 9 июня 1917 г. // ГАПК. Ф. 167. Оп. 1. Д. 34. Л. 32–34.
8. Страхов В. В. Из истории «Займа Свободы» Временного правительства // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2006. № 1 (13). С. 74–89.
9. Телефонграмма участкового начальника милиции Потапова (с. Рождественское) Пермскому губернскому комиссару Временного правительства об антиправительственном выступлении граждан села Кочебахтинского от 15 августа 1917 г. // ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 38. Л. 11.

Revolution of 1917 in the province as a cultural conflict

A. V. Bushmakov

PhD of historical sciences, associate professor of the Department of cultural studies and philosophy,
Perm State Institute of culture. Russia, Perm. E-mail: bushmakov@yanex.ru

Abstract. The article is devoted to the perception and interpretation of the events of the second Russian revolution unfolding in the province since March 1917. Relying on documents from the archival funds of the Provisional Government institutions operating in the Perm province, newspaper texts and sources of personal origin, the author demonstrates conflicts of meaningful interpretations of educated people, intellectuals and the masses, showing that the failure to create a new democratic society and the state is due to the difference in their cultures. Discrepancy between the adopted models of behavior (with each other and with objective reality) turned the revo-

lutionary process into a permanent cultural shock for most contemporaries, and provoked the situation of anomie. The article shows the absurdity of what happened as an integral element of the revolution. Attention is focused on the irrational motives of the behavior of contemporaries, which were due to the previously mastered attitudes and models of culture, which were completely unresponsive to the new political and social situation.

Keywords: revolution of 1917, Perm province, intelligentsia, Provisional Government, cultural conflicts, everyday life world.

References

1. Kogan P. S. *Mysli o provincii* [Thoughts on the province] // *Narodnaya svoboda* – People's freedom. 1917, No. 20, p. 2.
2. Kolonickij B. I. *Simvoly vlasti i bor'by za vlast'. K izucheniyu politicheskoy kul'tury rossijskoj revolyucii 1917 goda* [The symbols of power and the struggle for power. To study the political culture of the Russian revolution of 1917]. SPb. Liki Rossii. 2012. 320 p.
3. Okunev N. P. *Dnevnik moskvicha, 1917–1924: v 2 t. T. 1* [Diary of Muscovite, 1917-1924: in 2 vol. Vol. 1]. M. Military Publishing. 1997. 320 p.
4. Proshenie D. E. *Gudoshchikova v komitet lafetnogo cekha Motovilihinskogo pushechnogo zavoda o ego nespravedlivom areste kak uchastnika noyabr'skogo pogroma v Permi ot 4 dekabrya 1917 g.* – Petition of D. E. Gudoshchikov to the Committee of carriage shop of the Motovilikha cannon factory on his unjust arrest as a participant in the November pogrom in Perm on 4 Dec 1917 // GAPK. F. 142. Inv. 1. File 895. Sh. 276–277.
5. *Raport vremenno ispolnyayushchej obyazannosti nachal'nika Putinskogo pochtovo-telegrafnogo otdeleniya Lebedevoy nachal'niku Permskogo pochtovo-telegrafnogo otdeleniya ot 20iyunya 1917 g.* – The report of the acting as the chief of Putin post and telegraph office Lebedeva to the chief of the Perm post and telegraph office of 20 June 1917 // GAPK. F. 167. Inv. 2. File 12. Sh. 158–159.
6. *Raport Cherdynskogo uezdnogo komissara Vremennogo pravitel'stva Permskomu gubernskomu komissaru Vremennogo pravitel'stva ob areste i osvobozhdenii svyashchennika s. Gajny Ippolita Fofanova ot 11 iyunya 1917 goda* – The report of the Cherdynsky district commissioner of the Provisional government to the Perm provincial commissioner of the Provisional government about arrest and release of the priest of Gayny village Ippolit Fofanov of June 11, 1917 // GAPK. F. 167. Inv. 2. File 16. Sh. 83–83 vol.
7. *Raport SHadrinskogo uezdnogo komissara Vremennogo pravitel'stva Permskomu gubernskomu komissaru po delu o rekvizicii tovara I. V. Smirnova ot 9 iyunya 1917 g.* – The report of the Shadrinsky district commissioner of the Provisional government to the Perm provincial commissioner on the case of requisition of goods of I. V. Smirnov of June 9, 1917 // GAPK. F. 167. Inv. 1. File 34. Sh. 32–34.
8. Strahov V. V. *Iz istorii «Zajma Svobody» Vremennogo pravitel'stva* [From the history of the "freedom loan" of the Provisional government] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina* – Herald of the Ryazan State University n.a. S. A. Yesenin. 2006, № 1 (13), pp. 74–89.
9. *Telefonogramma uchastkovogo nachal'nika milicii Potapova (s. Rozhdestvenskoe) Permskomu gubernskomu komissaru Vremennogo pravitel'stva ob antipravitel'stvennom vystuplenii grazhdan sela Kochebaktinskogo ot 15 avgusta 1917 g.* – The telephone message of district police chief Potapov (Rozhdestvenskoye village) of Perm provincial commissar of the Provisional government about anti-government speech by citizens of the village Cochebaktinskoye from 15 Aug 1917 // GAPK. F. 167. Inv. 2. File 38. Sh. 11.